

Естрина Ольга Владимировна, Ситникова, Ольга Ивановна

**ПРИРОДНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА**

В статье рассмотрена специфика природно-экологического поля социокультурного пространства, проанализирована историография проблемы. Цель работы - выявить содержащиеся в природно-экологическом поле основания для формирования социокультурного пространства региона. К ним отнесены корреляционные связи природно-экологического поля с локальным политическим и глобальным информационно-культурным полями и их реализация в ментальных установках жителей конкретного региона.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/19.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 78-81. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**LOCAL APPROACH TO KRASNOYARSK REGION CITIES POPULATION EVERYDAY LIFE
RESEARCH IN THE MIDDLE OF THE 1940S – THE MIDDLE OF THE 1960S**

Aleksandr Georgievich Elizov

*Department of History and Political Science
Krasnoyarsk State Agrarian University
alexandr.elizoff@yandex.ru*

The author discusses methodological principles determination in the research of urban everyday life, pays special attention to the local method of research, determines approaches to the research of everyday life in Krasnoyarsk region cities in the middle of the 1940s – the middle of the 1960s, and comes to the conclusion that the specificity of a concrete city population's everyday life depends on its status, national economic role, urban landscape features and natural-geographical features of the region.

Key words and phrases: local approach; history of everyday life; everyday life in the middle of the 1940s – the middle of the 1960s; Krasnoyarsk region cities; city administrative status.

УДК 008

В статье рассмотрена специфика природно-экологического поля социокультурного пространства, проанализирована историография проблемы. Цель работы – выявить содержащиеся в природно-экологическом поле основания для формирования социокультурного пространства региона. К ним отнесены корреляционные связи природно-экологического поля с локальным политическим и глобальным информационно-культурным полями и их реализация в ментальных установках жителей конкретного региона.

Ключевые слова и фразы: социокультурное пространство; природно-экологическое поле; коррелирующее взаимодействие; региональное исследование; анализ взаимодействия природно-экологического и информационно-культурного полей.

Ольга Владимировна Естрина, к. филос. н., доцент

Ольга Ивановна Ситникова, к. ист. н., доцент

Кафедра истории, культуры и социологии

Волгоградский государственный технический университет

sitn55@rambler.ru

**ПРИРОДНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК ОСНОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА[©]**

Несколько последних десятилетий совершили серьезный переворот в исследовании социальной и культурной реальности, в результате на первый план вышли проблемы бытия человека и созданного им мира культуры, его пространства и организации. В этом контексте стал чрезвычайно актуальным анализ реальности в качестве социокультурного пространства, понимаемого через совокупность полей социальной и несобственной природы [14, с. 36]. Социокультурное пространство – специфическая пространственно-временная целостность, являющаяся результатом генезиса и функционирования культуры во взаимосвязи с социальными параметрами. Данная концептуальная модель обладает высокой степенью аналитической пластичности и оптимально сочетает исследование трансформационных процессов и механизмов функционирования социокультурного феномена на макроуровне с возможностью дискретного анализа любого из его структурных элементов, осуществляемого в исследованиях разного уровня – от цивилизационного до регионального. Пластичность данной исследовательской стратегии придает рассмотрению социокультурного пространства как некоей топологии, разделенной на ряд элементов – полей, образованных в соответствии с характером и целями взаимодействия. Выделение этих элементов (полей) возможно на макроуровне, но наибольший аналитический эффект этот подход дает при анализе регионального социокультурного пространства. В этом случае оно понимается как сложная система, состоящая из множества взаимодополняемых социокультурных полей, таких как производственно-экономическое поле, демографическое поле, природно-экологическое поле, информационное поле, поле образования, поле политики и т.п. Каждое из этих полей содержит полный набор необходимых структурных элементов, связанных между собой отношениями функционального опосредования и обладающих внутренними импульсами к саморазвитию. Все они осуществляют тем или иным способом производство необходимых средств для жизни, характеризуются особой системой распределения этих средств, особыми институтами политической и административной регуляции, механизмами социализации подрастающих поколений, гетерогенными процессами

духовной жизни и в целом формируют ряд оснований для оформления и трансформации социокультурного пространства региона [Там же, с. 52].

Анализ природы самого социокультурного поля позволяет классифицировать локальные и глобальные поля. Последние не имеют определенной локализации в рамках социокультурного пространства, у них отсутствует ядерная структура, а взаимодействия, осуществляемые в них, отличаются полифункциональным характером [10, с. 86-87]. К числу глобальных полей региона, как правило, относят информационное, природно-экологическое и демографическое поле [14, с. 54-55]. В данном исследовании нам бы хотелось рассмотреть специфику природно-экологического поля и выявить содержащиеся в его природе основания для формирования социокультурного пространства региона.

Глобальное природно-экологическое поле представлено такими структурными элементами, как воздух и его модификации, вода в ее различных формах, почва, флора, фауна, электромагнитные колебания, то есть всем тем, что нам привычнее называть понятиями «территория», «природа», «ландшафт». В науке для обозначения этих явлений используются термины «природная среда», «природно-географическая среда», «экология». То, что природно-экологическое поле является значимым фактором цивилизационной динамики, обнаружил еще Ш. Л. Монтескье, который наивно и прямолинейно попытался связать особенности политического устройства и ментальности той или иной цивилизации с размерами территории, плодородием почв или климатом местности [12]. Его идеи уже не в столь прямолинейной форме были развиты исследователями XIX века. Достаточно большое внимание природным параметрам в своих работах уделяли Ф. Ратцель, Г. Спенсер, В. О. Ключевский, однако по-настоящему первым серьезным исследованием этой проблематики стал труд Л. И. Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», в котором ученый постарался выявить зависимость цивилизационной динамики от географических параметров. Анализируя географические широты и термальные амплитуды, розу ветров и количество осадков, характер рельефа и особенности почв, ученый сделал вывод о том, что «географическая среда сыграла решающую роль в генезисе человечества» [11, с. 273]. Причем обращает на себя внимание тот факт, что Л. И. Мечников рассматривал географическую среду как целостный феномен, из которого невозможно выделить отдельные проявления. Прямых зависимостей ученому так и не удалось выявить, но он доказал своим трудом, что опосредованная детерминация цивилизационного генезиса очевидна, причем эта зависимость амбивалентна: не только географическая среда влияет на цивилизационную динамику, но и сама поддается изменению социокультурными параметрами [Там же, с. 211].

Идеи Л. И. Мечникова были дополнены и развиты в трудах Л. Н. Гумилева, который определил ландшафт, природную среду детерминантами этногенеза. В своих исследованиях он последовательно и аргументированно доказывал, что сложнейшие процессы этногенеза напрямую связаны с физическим пространством (ландшафтом), то есть динамические процессы социокультурных общностей в определенной степени обусловлены природно-экологическим полем, причем на этнические процессы ландшафт влияет принудительно [6, с. 182]. В рамках природно-экологического поля Л. Н. Гумилев выделяет две области: природную (географическую) и техногенную. Первая возникла без вмешательства человека и сохранила естественные элементы, обладающие способностью к саморазвитию. Вторая, техногенная область, также вписывается в реальное пространство, окружающее человека, но создана трудом и волей человека, а ее элементы не имеют аналогов в природе, не способны к саморазвитию, а способны только разрушаться. Л. Н. Гумилев, так же как и Л. И. Мечников, много внимания уделил анализу амбивалентности взаимовлияния различных социокультурных полей. Он подчеркивал, что и техносфера, и социосфера постоянно взаимодействуют с природно-экологическим полем: человек не только сам приспосабливается к ландшафтам, вырабатывая те или иные хозяйственные практики, но и приспосабливает ландшафт к своим нуждам и потребностям [Там же, с. 183-184]. В своих работах Л. Н. Гумилев весьма красноречиво повествует об удачных и бездарных механизмах приспособления ландшафта – природно-экологического поля – к потребностям человека и замечает, что хищническое обращение человека с природой имело место при всех формациях, и, начиная с глубокой древности, человеком была организована уже не одна экологическая катастрофа. Наибольший вред при этом физическому пространству наносят отнюдь не активные пассионарии, а гармоничные личности: «Как бы ни свирепствовали пассионарии, – замечает ученый, – в отношении кормящей нас природы торжествующий обыватель – явление куда более губительное» [Там же, с. 451]. А самыми вредоносными оказываются мигранты, которые приносят иные технологии, разрушающие сложившиеся экономические практики.

Свой анализ реализации природно-экологического поля в социокультурном пространстве Л. Н. Гумилев проводит как на микро- и мезо-, так и на макроуровне. К первым двум подходам можно отнести более или менее общий анализ механизмов практического освоения ландшафта. К последнему, макроподходу, можно отнести глобальные выводы ученого о роли ландшафта (природно-экологического поля) в процессах этногенеза. По мнению исследователя, сложность ландшафта напрямую детерминирует этнопроцессы: в монотонных, однообразных физических пространствах не возникло ни одного этноса (например, западная часть Великой Степи, куда относится и Нижневолжский регион), но эти же ландшафты впоследствии очень успешно этносами осваиваются. Подлинными же «месторазвитиями» – местами, где рождаются этносы, – становятся территории, сочетающие два и более ландшафта [Там же, с. 191-197].

Анализируя идеи Л. Н. Гумилева, следует признать, что ученый в некоторой степени преувеличил роль географического фактора (природно-экологического поля) в этнокультурных и цивилизационных процессах. Тем не менее труды ученого красноречиво демонстрировали необходимость совокупного анализа исторических,

культурных, социальных и природно-ландшафтных характеристик для создания целостной картины социокультурной реальности и положили начало формированию в отечественной науке таких направлений, как историческая и культурологическая география. В рамках этих дисциплин существует ряд научных подходов, исследующих природно-экологическое поле социокультурного пространства как на региональном, так и на цивилизационном уровне. В работах Э. Б. Алаева, О. И. Шабля природно-экологическое поле рассматривалось как геопространство [2; 15], а Н. Н. Баранский, Ю. А. Веденин, В. М. Гохман выделили геокультурный аспект этого феномена [3; 5]. Весьма серьезные исследования природно-экологического поля были выполнены А. Г. Дружининым, который придерживался геокультурологического подхода и разработал концепцию геокультурной обстановки, а также исследовал составляющие этого феномена, особенно ее эколого-культурные элементы [7; 8].

Необходимо отметить, что исследования природно-экологического поля социокультурного пространства только начались, они ведутся сразу в нескольких научных областях: в географии, культурологии, социальной философии, регионоведении, этнографии. Теоретический и методологический инструментарий еще недостаточен, терминология и дефиниции только определяются, поэтому в ряде работ один и тот же феномен социокультурной реальности – природно-экологическое поле – имеет разные определения: «геокультурная обстановка или ГКО», «геокультурный ландшафт», «геокультурное пространство или ГКП», «природная среда региона». С нашей точки зрения, термин «природно-экологическое поле» наиболее оптимален по содержанию, так как, с одной стороны, четко определяет составляющие феномена, а с другой стороны, апеллирует к полевой структуре социокультурного пространства. В любом случае, такой терминологический плюрализм еще раз демонстрирует, насколько востребованным и значимым стал данный феномен в настоящий момент и сколь важна каждая попытка его анализа.

Как социокультурный феномен природно-экологическое поле включает в себя особенности природных условий и ресурсов территории, которые во многом определяют систему расселения и структуру хозяйства. Последние, в свою очередь, формируют геокультурную специфику региона. Также неотъемлемой частью данной группы факторов являются особенности экологического развития территории: гидрографическая сеть, водоемкие предприятия, запасы полезных ископаемых, агроклиматические ресурсы, использование которых формирует сельскохозяйственную специализацию региона.

Являясь по своему характеру глобальным, природно-экологическое поле не имеет размытых границ и распространяется на все социокультурное пространство региона, отличается высокой степенью конформности, в силу чего актуализирует в своих параметрах не только собственные характеристики, но и характеристики ряда других полей. Достаточно активно с природно-экологическим полем проявляют себя демографическое поле, состоящее из особенностей естественного расселения и движения населения, а также его половозрастной структуры, и этнокультурное поле, формирующееся за счет этнических структур населения области, а также ареалов компактного проживания отдельных народов, являющихся носителями собственных культурных особенностей. Безусловно, природно-экологическое поле в значительной степени актуализирует проявления локального производственно-экономического поля, определяя специфику дифференциации структуры хозяйства: развитие промышленности, добывающих отраслей, сельского хозяйства. Но эти выявленные нами примеры актуализации других полей достаточно очевидны. С нашей точки зрения, намного важнее выявить примеры корреляции природно-экологического поля с полями социетальной природы, например, с локальным политическим полем или глобальным информационно-культурным полем.

Попытки обнаружить такую корреляцию на макроуровне цивилизационного анализа уже предпринимались. Достаточно вспомнить упоминавшийся выше «Дух законов» Монтескье, в котором он связывает характер политического устройства того или иного общества в том числе и с размерами его территории. В определенной степени его идеи продолжает Ф. Бродель, который рассматривает необъятные пространства российской цивилизации как фактор, формирующий авторитарность и даже деспотизм власти [4, с. 484, 486]. В своих работах мы также обращали внимание на то, как влияют природные и территориальные факторы на формирование социально-политического поведения в российском социокультурном пространстве, характеризующемся аморфностью и слабой структуризацией социального пространства, замедленным формированием гражданского общества, доминированием в ментальности феномена воли в противовес феномену свободы [9, с. 266]. Но все эти выводы были сделаны при анализе всего социокультурного пространства, без перехода на уровень региональных исследований. По нашему мнению, при исследовании социокультурного пространства региона проявления коррелирующего взаимодействия природно-экологического и политического полей приобретут иные формы выражения, возможно, станут более опосредованными и не столь категоричными или вовсе минимизируют свои проявления. Но чтобы это выяснить, необходимы исследования реального регионального пространства.

Еще больший интерес, на наш взгляд, представляет анализ взаимодействия природно-экологического и информационно-культурного полей, проявляющегося в формировании специфических ментальных установок «переживания и осознания пространства», одного из значимых факторов становления духовной культуры российской цивилизации. Рождение этого феномена совпало с территориальным оформлением Московского царства, разросшегося за счет евразийского пространства. Именно с этого момента в духовной культуре российской цивилизации формируется специфический феномен пространства как объекта и цели. С. С. Аверинцев говорит, что с этого момента Московское царство превращается в «само себе мир» – в обобщенный, уникальный феномен, консолидированный на базе идеократического универсализма, в «Святую

Русь» [1, с. 218]. А. С. Панарин также оценивает прирастание азиатских территорий к Московскому царству как один из самых значимых моментов российской социокультурной динамики, когда произошло формирование «большого суперэтнического пространства культуры и православная цивилизация стала загадочным артефактом, скрепляющим разнородные азиатские пространства» [13, с. 268, 311]. Таким образом, расширение территориального пространства привело к формированию социокультурного континуума, в котором закрепились особый тип связи человека с землей как с космической субстанцией. Территория, реальное пространство были переведены из натуралистического контекста в идеократический, стали воплощением ментального переживания Родины через топонимический контекст «Земли-Матушки» и «Святой Руси».

По нашему мнению, огромный интерес представляют формирование ментальных установок «переживания и осознания пространства» на региональном уровне, выявление корреляционных связей регионального природно-экологического поля и информационно-культурного. Эти исследования помогут выяснить, каким образом формируются ощущение «своего пространства» и чувство сопричастности и ответственности за конкретную территорию. Было бы интересно узнать, что определяет степень сопричастности к конкретной территории, насколько она зависит от образования, воспитания, этнического и социального происхождения, а также экономического положения конкретного индивида. Эти исследования, на наш взгляд, способны выявить пути преодоления кризиса самоидентификации русского и других народов, обнаружить способы актуализации сопричастности к конкретному региональному социокультурному пространству, воспитать чувство гражданской ответственности и активности.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Византизм и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 7. С. 210-229.
2. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
3. Баранский Н. Н. Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географиз, 1956. 496 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв.: в 3-х т. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Весь мир, 2007. Т. 3. 752 с.
5. Веденин Ю. А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Известия АН СССР. Сер. «География». 1990. № 1. С. 5-17.
6. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2006. 560 с.
7. Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994. 575 с.
8. Дружинин А. Г. Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1999. 114 с.
9. Естрина О. В. Факторы развития российского социокультурного пространства // Условия, ресурсы и факторы развития России в XXI веке: сб. науч. статей. Волгоград: Изд-во ВолгГТУ, 2009. С. 264-269.
10. Естрина О. В., Игнатенко Т. И. Социокультурные поля региона: сущность и структура // Забайкальские социологические чтения – регион как социокультурное пространство: проблемы и перспективы социологического анализа: материалы V всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2010. С. 85-87.
11. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Пангея, 1995. 461 с.
12. Монтескье Ш. О духе законов: избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 800 с.
13. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
14. Социокультурное пространство региона: методология исследования: монография / Н. В. Дулина, О. В. Естрина, Т. И. Игнатенко, Н. А. Овчар, М. М. Самчук, О. И. Ситникова. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2011. 131 с.
15. Шаблий О. И. Географическое пространство как объективное явление и абстрактный объект науки // Всесоюзный симпозиум по теоретическим проблемам географии: тезисы докладов. Киев: Наукова думка, 1977. С. 45-47.

NATURAL-ECOLOGICAL SPHERE AS REGION SOCIAL-CULTURAL SPACE FORMATION BASIS

Ol'ga Vladimirovna Estrina, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Ol'ga Ivanovna Sitnikova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History, Culturology and Sociology
Volgograd State Technical University
sitn55@rambler.ru

The authors discuss the specificity of the nature-ecological sphere of social-cultural space, analyze the problem historiography, determine the basis for region social-cultural space formation that is contained in natural-ecological sphere, and among them consider the correlation connections of natural-ecological sphere with local political and global information-cultural spheres and their implementation in specific region residents' mental attitudes.

Key words and phrases: social-cultural space; natural-ecological sphere; correlating interaction; regional research; analysis of natural-ecological and information-cultural spheres interaction.